

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740>

EDN: CRBJED

Н.И. Воробьев и Центральный музей Татарской республики (1923–1930 гг.)

М.В. Ледяева

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
mled8@mail.ru*

З.Н. Мирсияпова

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ms.zalija81@mail.ru*

В.И. Мухин ✉

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
wladmukhin@yandex.ru*

Резюме. Н.И. Воробьев возглавлял Центральный Музей ТАССР в период формирования новой музейной практики, когда верные решения приходили с опытом, а главной задачей была выработка новой структуры институции. Молодой ученый на посту директора столкнулся с большим количеством административных вопросов и сложностей, от нехватки бюджета и кадров до устранения внешних угроз, вызванных низким уровнем обеспечения безопасности музейных коллекций. Острая нехватка средств отражалась на всем: Музей не мог занять все площади, выделенные государством, в штате отделов было не более трех человек, закупка предметов и плановое комплектование практически не осуществлялись. Но в то же время при подготовках выставок под руководством Н.И. Воробьева были организованы этнографические экспедиции во многие кантоны Татарской республики, в ходе которых был собран значительный материал, задокументировавший культуру и традиции народов края, предметы быта и ремесел, сделано большое количество фотографий. Благодаря этой работе Музей смог достойно представить Татарскую республику на масштабных Всесоюзных выставках в Москве 1923 и 1927 гг., на международной выставке в Париже 1925 г. Разделы Татреспублики на выставках были тепло встречены общественностью, а предметы, по их закрытию, пополняли фонды Музея.

В условиях ограниченного финансирования, нехватки площадей и ограниченности штатов под руководством Н.И. Воробьева в Музее были заложены принципы функционирования, на которых он будет основываться в следующие десятилетия. Совмещая музейную работу с научной карьерой, Николай Иосифович Воробьев покинул Музей в период установления полного государственного надзора над институцией, оставив после себя не просто Музей, а научное учреждение, в котором беспрерывно велась исследовательская работа.

Ключевые слова: Н.И. Воробьев, Центральный музей Татарской республики, этнографические экспедиции в АТССР.

Для цитирования: Ледяева М.В., Мирсияпова З.Н., Мухин. В.И. Н.И. Воробьев и Центральный музей Татарской республики (1923–1930 гг.). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 715–740. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740> EDN: CRBJED

N.I. Vorobyev and the Central Museum of the Tatar Republic (1923–1930)

M.V. Ledyeva

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

mled8@mail.ru

Z.N. Mirsiyapova

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

ms.zalija81@mail.ru

V.I. Mukhin ✉

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

wladmukhin@yandex.ru

Abstract. N.I. Vorobyev headed the TASSR Central Museum during the formation period of the new museum practices, when the right decisions came with experience and the main task was to develop a new structure of the institution. As the museum director, the young scholar dealt with a large number of administrative issues and difficulties, from budget and personnel shortage to elimination of external threats caused by the low level of security of museum collections. The acute shortage of funds was reflected in everything: the museum could not occupy all the areas allocated by the state, there were no more than three people in the staff of departments, the tasks of purchasing exhibits and planned acquisitions were barely fulfilled. However, at the same time, as part of preparation for exhibitions, ethnographic expeditions to many cantons of the republic were organised under the leadership of N. Vorobyev. During the expeditions, significant materials that document the culture and traditions of the peoples of the region, household items and crafts were collected, as well as a large number of photographs were taken. As a result of this work, the museum was able to adequately represent the Tatar Republic at large-scale All-Union exhibitions in Moscow in 1923 and 1927 and at the international exhibition in Paris in 1925. The public warmly welcomed the Tatrepublic sections at the exhibitions; upon the exhibitions closure, the objects replenished the museum funds.

In conditions of limited funding, lack of space capacity and limited number of staff, under Vorobyev's leadership, the museum laid down the functioning principles, which would serve as the basis of its work in the following decades. Combining museum work with his academic career, Nikolay Vorobyev left the museum during the period when full supervision of the state was being

established over the institution. He left not just a museum, but also an academic institution where research work was constantly carried out.

Keywords: N.I. Vorobyev, Central Museum of the Tatar Republic, ethnography expeditions in ATSSR.

For citation: Ledyayeva M.V., Mirsiyapova Z.N., Mukhin V.I. (2024) N.I. Vorobyev and the Central Museum of the Tatar Republic (1923–1930). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 715–740. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740> (In Russ.)

История Национального музея Республики Татарстан неразрывно связана с именем Николая Иосифовича Воробьева. Осенью 1921 г. он пришел на работу в Центральный музей Татарской республики (ЦМТР), заняв должность заведующего естественно-историческим отделом, а в 1922 г. фактически возглавил Музей, когда Бруно Фридрихович Адлер – руководитель музея в 1918–1922 гг., окончательно уехал в Москву. В 1923 г. Н.И. Воробьев утверждается в данной должности и пребывает на ней до сентября 1930 г. (НМРТ. Воробьев Н.И. Автобиография: 1–2).

Общее положение Музея в 1923–1928 гг.

Руководство Н.И. Воробьевым ЦМТР пришлось на первые годы советской власти – непростой период истории отечественных музеев. Тогда изживалась старая дореволюционная музейная практика, а музейным сотрудникам предстояло освоить новые методы работы. Первостепенной задачей Н.И. Воробьева стала разработка новой структуры Музея. На тот момент он состоял из историко-археологического, промышленно-технического, естественно-исторического, художественного отделов и библиотеки. Позже, в связи с пополнением в середине 1920-х годов собрания музея большим количеством предметов русской православной церкви был выделен отдел древнего русского искусства.

В 1920-е годы каждый отдел ЦМТР, за исключением библиотеки, был, по сути, самостоятельным мини-музеем. Помимо обособленных от других структурных подразделений штатов, помещений и хранилищ, каждый отдел самостоятельно разрабатывал и реализовывал на занимаемых им площадях выставочную программу. Так, художественный отдел формировал выставки изобразительного искусства, историко-археологический – исторические и т.д. Они проходили параллельно и зачастую не были взаимосвязаны друг с другом. Музей принимал участие в масштабных Всесоюзных выставках, на которых презентовались быт и культура народов Автономной Татарской Советской Социалистической Республики.

В 1926–1928 гг. внутри Музея шли дискуссии о реструктуризации историко-археологического отдела, существовал проект выделения в самостоятельный отдел историко-бытовой коллекции. Н.И. Воробьев поддерживал эту идею, однако ее воплощение произошло значительно позднее. Именно Николай Иоси-

фович первым выступил с предложением о выделении в самостоятельный отдел раздел оружия, хранившегося в Музее (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89. Л. 33). Идея в дальнейшем нашла отражение в его обновленной структуре. В начале 1928 г., согласно постановлению Главнауки, создается Ученый совет ЦМТР. В виду отсутствия находившегося в Ленинграде Н.И. Воробьева, его первым председателем стал П.М. Дульский. Сам Николай Иосифович включился в работу Совета во второй половине года по возвращению из Ленинграда в Казань. Тогда же в Музее промышленно-технический отдел был преобразован в экономический. Он в соответствии с проектом должен был отразить достижения сельского хозяйства, промышленности и профессионального образования в советском государстве.

Одной из важнейших зон ответственности директора ЦМТР в довоенный период были занимаемые площади. Н.И. Воробьев неоднократно отмечал, что предоставленных под музейную деятельность помещений недостаточно. Проблема, например, озвучивалась в докладе о положении музейного дела в Татарской республике на Средневолжской музейной конференции в сентябре 1926 г. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71. Л. 1).

В 1924 г. под управление музейного отдела Академического центра Татарского народного комиссариата просвещения (Академцентр Татнаркомпроса) вошел ряд площадей, ранее находившихся под контролем русской православной церкви – Петропавловский собор, церковь четырех евангелистов и др. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 40. Л. 11). Музейный отдел разместился в бывшей Ивановской церкви у площади Первого мая, а Центральному музею республики полностью отошел западный фасад бывшего Гостиного двора со значительными помещениями, прежде предназначавшимися для складов, и Гостинодворская церковь. Использование новых площадей оказалось затруднительным из-за непригодности новых пространств под музейные проекты и отсутствия средств на их ремонт и реорганизацию. Поэтому помещения начали сдаваться в аренду разным организациям – Центроспирту (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 7), Таткожтресту (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 15–16об.). Гостинодворская церковь в 1927 г. была сдана Волго-Камскому отделению связи (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 17–18). Средства от арендных соглашений поступали в Музей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 20). Некоторые помещения занимали проживавшие в них музейные сотрудники, в том числе Н.И. Воробьев и его семья (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 40).

В 1925 г. на территории, контролируемой музеем, был сформирован Казанский зоосад. Его создание явилось результатом соглашения между ЦМТР и Казанским студенческим кружком любителей природы. Зоосад занял значительную часть помещений, принадлежавших Музею. В них были разбиты питомники, разместились службы и их обслуживавшие сотрудники (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–21).

На протяжении 1920-х годов одной из основных проблем ЦМТР была безопасность музейных предметов и имущества. Н.И. Воробьев в конце 1923 г.

обращается к начальнику городской милиции с просьбой о выделении ружья для ночного сторожа Музея в виду огромной государственной ценности музейных коллекций (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 64). Во второй половине 1920-х гг. в Музее делается частичный ремонт, включавший замену оконных рам. Однако общее обеспечение безопасности хранимых артефактов оставляло желать лучшего. Нехватка площадей и недостаточная безопасность стали ключевыми проблемами основной деятельности ЦМТР в этот период.

*Комплектование, учет и хранение в ЦМТР
под управлением Н.И. Воробьева*

Выступая на Средневолжской музейной конференции в сентябре 1926 г., Н.И. Воробьев отмечал, что плановое комплектование музейных коллекций не ведется в виду отсутствия средств и ресурсов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71. Л. 1). Вплоть до 1930-х годов ЦМТР отвечал отказом на большинство частных предложений о покупке предметов. Одним из редких исключений стал прием в 1930 г. коллекции бабочек, к которой прилагались комплекты каталогов. Все это было приобретено за 150 рублей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 93. Л. 20).

Весной 1923 г. Б.Ф. Адлером и М.Г. Худяковым от С.М. Афонского была принята коллекция университетского профессора Н.Ф. Высоцкого. За нее было оплачено 1025 золотых рублей, выделенных Татнаркомпросом (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 32). До конца третьего десятилетия XX в. музейный отдел при комиссариате просвещения будет играть большую роль в формировании новых поступлений в музейное собрание за счет национализированных, прежде всего, церковных предметов. В сентябре 1924 г. Музей принял предметы из бывшего Кафедрального собора (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 3–4об.), всего 113 ед. хр., а в августе 1925 г. – комплекс предметов из бывшей церкви Николая Гостинодворского (всего 211 ед.хр.) (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 5). Во второй половине 1920-х годов изъятыми у Православной церкви предметами комплектовался отдел древнерусского искусства. По трем актам передачи (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 11–13) было принято 150 предметов. Регулярно из музейного отдела Академического центра Татнаркомпроса в Музей шли единичные поступления.

Ключевую роль в пополнении собрания Музея в период директорства Н.И. Воробьева сыграли археологические и этнографические экспедиции. В течение 1920-х гг. музей организовывал их самостоятельно или принимал предметы по полевым описям работ, проведенных другими организациями. Например, в феврале 1925 г. в музей от профессора В.Ф. Смолина поступил клад, обнаруженный при раскопках Джукетау, состоявший из «36 предметов и 166 жемчужин» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 48–49). Ежегодно сотрудники историко-археологического отдела принимали личное участие в экспедициях. Так, например, по итогам 1928 г. фонды музея пополнили 5937 предметов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89. Л. 19). К сентябрю 1930 г., когда Н.И. Воробьев

передал Музей новому директору М.И. Борисову, количество предметов археологической коллекции превысило 34000 единиц (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 134. Л. 21).

Главной проблемой в работе с предметами в 1920-е годы являлись их регулярные утраты. Значительная часть предметов отбыла в столичные музеи. Так, в 1928 г. по распоряжению Главнауки в Центральный Музей народоведения было передано 58 предметов ЦМТР, которые ранее были представлены на выставке «Национальные культурные промыслы», прошедшей в Москве к десятилетию Октябрьской революции (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 13–17). В этот период из собрания ЦМТР немалое количество предметов было передано в создаваемые кантонные музеи (Синицына, 2002: 55).

Иногда Музею удавалось препятствовать перемещению предметов на постоянное хранение в другие организации. Так, в марте 1926 г. через Академцентр Татнаркомпроса в музей поступил запрос от Татархива о передаче в его восточную секцию ярлыка хана Сахиб-Герая (Сахиб-Гирея). Музей ответил на это достаточно резко, уведомив Академический центр в том, что «экспонирование фотоотпечатков с ярлыка, когда сам ярлык находится в Казани, считает нецелесообразным, и весь смысл данной переписки сводится к ведомственным, бюрократическим проискам» (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 70. Л. 10–10об.). В итоге, ярлык Сахиб-Герая (Сахиб-Гирея) по-прежнему хранится в фондах Музея.

В середине 1924 г. Государственный Эрмитаж начал кампанию по переводу из ЦМТР серебряного блюда, на котором изображен сасанидский царь на охоте. Изначально оно было передано Эрмитажу только для изучения и вернулось в Казань с большим трудом три года спустя. Позже Эрмитаж поднял вопрос о постоянной передаче им предмета. Коллегия Музея, возглавляемая Н.И. Воробьевым, в 1927 г. высказалась против передачи предмета в Ленинград (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 84). Возражение справедливо обосновывалось принадлежностью блюда к коллекции А.Ф. Лихачева, лежащей в основе музея, и его экспозиционной значимостью для историко-археологического отдела.

Весомый ущерб собранию ЦМТР во второй половине 1920-х гг. был нанесен фабрикой «Совкино», под патронажем которой в 1927 г. в Казани, в том числе на территории бывшего Гостиного двора, снимался фильм «Булат-Батыр». Для съемок из Музея на временное пользование были взяты ружья из коллекции историко-археологического отдела, которые затем не были возвращены и покинули город вместе со съемочной группой. Оказалось, что создателям фильма взятое в музее оружие было необходимо для дальнейших съемок, но Музей они оповестили лишь после соответствующего запроса от Татнаркомпроса (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 98. Л. 2об.). Договоренность была достигнута. Согласно составленному акту фабрика принимала на себя обязательство вернуть взятые предметы к 15 апреля 1928 г. В установленный срок этого не произошло. В этой связи планировалось уведомить «Совкино» о возбуждении дела в судебном порядке. Решение вопроса перешло к Татнаркомпросу (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 108). Предметы вернулись в Музей с опозданием на

месяц, а заведующим историко-археологическим отделом Н.Ф. Калининым была обнаружена недостача шести предметов, которые пришлось изъять из инвентарей музея. «Совкино» возместило нанесенный вред суммой в размере 100 рублей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 254).

Предпринимаемые музеем действия по повышению уровня безопасности оказались недостаточными: кражи из экспозиции происходили на постоянной основе. Проблему не удавалось решить и в последующие годы, когда кражи приобрели систематический характер. Тогда утраченные предметы удалялись из коллекционных описей отделов (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 70) – основного документа учета.

Отсутствие цельной структуры, большая автономность отделов при большом объеме коллекций, являлись причинами, из-за которой в Музее отсутствовала единая система учета хранимых коллекций. В 1924 г. была предпринята попытка создания главной инвентарной книги музея. Однако работа была завершена уже спустя год, в нее было занесено лишь около 600 предметов новых поступлений (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–4). Не удалось систематизировать акты приема предметов. Например, на акте о приеме предметов из бывшего Кафедрального собора, который состоялся в 1924 г., стоит поздняя приписка – «найден 10.XI.28» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 3). Вероятно, такая ситуация возникла из-за перевода принятых под данному акту предметов в отдел древнерусского искусства и формированием его инвентарных описей. В это время именно инвентарные описи отделов являлись основными документами учета.

Невозможность занятия музеем переданных ему в первой половине 1920-х гг. площадей остро обозначила проблему хранения музейных предметов. Хранительские помещения были малы, а большое количество предметов в момент передачи ЦМТР от Н.И. Воробьева новому директору помещались в т.н. подвалах витрин (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1 Д. 134. Л. 3–29). На конец 1929 г. коллекции музея насчитывали более 94000 музейных предметов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 92). Их хранение, помимо нехватки места, осложнялось практически непрерывной выставочной деятельностью, которой занимались одни и те же сотрудники.

Выставочная деятельность Музея в 1920-е годы

Сбор, упорядочивание коллекций и строительство этнографической экспозиции в Казанском губернском музее были начаты в 1919–1920-е годы. Необходимости проведения этнографических поездок не возникало до выделения этнографического отдела как самостоятельного подразделения в связи с проводимой директором музея, профессором Б.Ф. Адлером общей реорганизации. Явный этнографический уклон в собирательской деятельности Казанского музея связан в целом с пониманием задач национальных музеев. «Теперь, – пишет Адлер, – в жизни народов свершился коренной перелом, революция дала рас-

крепощение народов, и нация, освободившиеся от угнетения, естественно, возрождает забытые национальные костюмы, обычаи и т.д.» (Адлер, 1921: 4).

Начатые Б.Ф. Адлером изменения в деле комплектования и учета этнографических коллекций были продолжены Н.И. Воробьевым. Необходимость комплектования фондов именно татарскими предметами была обозначена во время подготовки к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, которая состоялась в 1923 г. в Москве. Для этого была организована экспедиция в Арский кантон, где Воробьев тщательно отбирал предметы, которые должны были дополнить старые коллекции. Ему было известно, что предметы после окончания экспонирования на Всесоюзной выставке в павильоне Татарской республики будут переданы музею.

Собранный материал позволил представить архитектуру, этнографию и художественные традиции татар через коллекции фотографий, одежды, текстильного убранства жилища, образцов узорного тканья и вышивки, обуви, предметов быта и образцов пищи (муляжи). Павильон №44 «Татреспублика» находился около Голицынских прудов рядом с павильонами Армении, Азербайджана, Грузии, Киргизии и Башкирии. Он представлял собой народный дом – двухэтажное здание с крыльцом, обнесенное узорным забором с воротами. Разработка макета основывалась на летних экспедиционных материалах из Арского кантона. Еще в январе 1923 г. в Казани был объявлен конкурс макетов будущего павильона Татреспублики. На нем представили три проекта. Лучшим оказалось предложение под названием «Зеленый полумесяц» инженера С.В. Шмелева, подготовленного на основе традиций деревянной архитектуры Казани. Павильон был построен в Казани, после чего разобран и отправлен в Москву, где за его возведением наблюдал М.С. Жиров. Он выполнил роспись интерьеров. Верхний этаж павильона состоял из трех залов, они были посвящены быту татар, продукции издательств Казани и сельскохозяйственному образованию. Нижний этаж павильона представлял собой две комнаты деревянного дома крестьянина-середника, типичных для северных кантонов Республики, в частности Арского, и деревни Большая Атня. В сенях экспонировались графические материалы и отдельные предметы быта.

В жилой избе на первом этаже была представлена модель «русской» печи татарского образца с низким шестком и котлом сбоку. Во всю ширину избы возвели нары с войлоками и стеганными покрывалами, подушками. На потолке поперек комнаты закрепили занавеси. Направо от входа между дверью и нарами *сәке* экспонировался шкаф с посудой постоянного употребления. Налево – сундук, покрытый цветной тканью. Стены украшены полотенцами и шамаилями. В углу, за печкой разместились полки с кухонной утварью, там же были представлены таз и кумганы.

В избе во время работы выставки проживало пять человек (люди-экспонаты): двое мужчин, две женщины и девочка. Их работа оплачивалась согласно представленной Центральному выставочному комитету смете. Они жили

в избе постоянно, несмотря на большой поток посетителей. Благодаря им комнаты утратили декоративный вид и казались жилыми.

Во второй половине нижнего этажа, в шкафах и витринах располагались экспонаты отдельных элементов татарской материальной культуры. В середине зала, в большом двухстороннем шкафу на фоне расшитых намазлыков, экспонировалась мужская и женская одежды. Среди них, по словам устроителей выставки, особо выделялось голубое свадебное платье, отделанное серебром (НМРТ КП–10265/28) и костюм свахи. Там же были представлены детская одежда, две люльки и утварь. Вдоль стен, в шкафах и витринах, на фоне свадебных наголенников *аяк чолгауы* и шерстяного сукна, экспонировалась деревянная (лапти, башмаки, галоши), суконная (чулки) и кожаная (ичиги, галоши, туфли) обувь. Рядом, в витрине – женские головные уборы, в шкафу на фоне вышитой шали – туалетные принадлежности и платки. Две витрины отображали традиции ткачества и вышивки. Большой интерес представлял комплекс гипсовых муляжей (НМРТ КП–10267) татарских традиционных блюд, дополненный изображениями и картограммами, которые разработал М.С. Губайдуллин. В угловом правом шкафу представлена татарская чайная и столовая посуда, образцы тестяных изделий (лапша, тукмач, салма). Отдельная композиция представляла различные женские украшения – пуговицы, наконечники, браслеты, серьги, амулеты и нагрудные украшения. Один шкаф был занят мужскими головными уборами. Большой шкаф заполнили деревянной и металлической утварью. На стенах разместились более 50 фотографий по быту и типам татар, а также ряд графических материалов по культурно-просветительской работе в Татарской республике. В сенях, на стенах, экспонировались диаграммы и картограммы по типам татар и движению населения республики.

Один из залов на втором этаже был посвящен книгопечатанию. В восьми витринах экспонировались книги, изданные с 1800 по 1923 гг. Среди них редкие экземпляры – книги с авторскими пометками и корректурными листами. Были представлены образцы арабских шрифтов и отпечатков цинкографии, использовавшиеся издательствами Татреспублики. Там же, на щитах, были расположены образцы декоративно-прикладного искусства – вышивки (свадебные полотенца, головные уборы, шамаили), а на одном из них экспонировались чертежи, рисунки и фотографии из летней экспедиции 1923 г. В центре зала находилась разборная модель дома крестьянина Зиганшина из Большой Атни, подготовленная фабрикой «Коммунар».

Над экспозицией павильона Татреспублики работали члены Выставкома И. Казаков и Ю. Валидов, Г. Губайдуллин и Г. Енбаев, М.С. Жиров. Руководил работой по ее созданию этнограф Д.Т. Янович. Организационная часть была возложена на Культурно-бытовую секцию при Местном Выставочном Комитете, в состав которой входили Н.И. Воробьев и П.М. Дульский. Основная задача секции – демонстрация культурно-бытовых особенностей татар. Ранее на выставках такого рода тема домоводства и быта упускалась. «Между тем, – как отмечал Н.И. Воробьев, – значение домоводства и быта в сельском хозяйстве

велико. Быт накладывает отпечаток на весь хозяйственный строй деревни и влияет на структуру всего хозяйства» (Воробьев, 1923: 4).

По итогам работы павильон Татарской Республики был награжден Почетной наградой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. Николая Иосифовича наградили дипломом первой степени.

В январе 1924 г. член Татарского Ликвидированного комитета Всероссийской сельскохозяйственной выставки Г.С. Губайдуллин и директор Центрального музея ТССР (ЦМ ТССР) Н.И. Воробьев передали в Центральный Музей коллекции, представленные в павильоне республики. Г.С. Губайдуллиным были сданы 341 предмет материальной культуры казанских татар, 59 фотоснимков и рисунков, 50 листов графики. Н.И. Воробьев и П.М. Дульский передали 45 книг, 37 фотоснимков, 9 рисунков (из них – 3 шамаиля), 3 листа архитектурных чертежей, модель татарского дома, 13 вышивок и головных уборов, а также оборудование (Воробьев, 1924: 2).

Осенью 1923 г. в Музее открылась этнографическая выставка, представлявшая собой обновленную экспозицию. Коллекции были выставлены в просторном помещении из двух анфилад и 12 ниш. В первой анфиладе, с прилегающими шестью нишами экспонировались коллекции предметов татарской этнографии. Аналогичное пространство заняли коллекции других народов, населяющих край. Принцип экспонирования заимствовали у этнографического отдела Русского музея, этикетаж был представлен на русском и татарском языках.

В таком виде этнографическая экспозиция проработала до января 1925 г., когда благодаря значительным поступлениям из этнографических экспедиций отдел был реорганизован. В новую выставку вошло 5000 предметов, более половины из них освещали быт татар. Впервые за годы существования музея, в его экспозиционных пространствах была столь широко показана материальная культура: представлены коллекции по чувашам, марийцам, киргизам, казахам, калмыкам, особо выделялся комплекс, освещавший буддизм. В основе концепции был последовательный показ от коренных народов Среднего Поволжья к пришлым, проживающим в регионе. Лейтмотивом выступила масштабная этнографическая карта ТССР. Открывал выставку раздел «История формирования культуры и быта казанских татар». В него вошли подразделы: жилище, одежда и утварь. Методика представления музейных этнографических предметов в экспозиции, полностью отразившая точку зрения Н.И. Воробьева, в 1970-х годах стала основой для создания этнографического раздела постоянной экспозиции Государственного объединенного Музея РТ (ГОМ РТ).

В 1925 г. Музей принял участие в реализации крупнейшего международного проекта – Международной выставки декоративного искусства и художественной промышленности в Париже. Н.И. Воробьев вместе с П.М. Дульским организовали в Казани сбор предметов татарского быта и этнографии (всего 134 ед.) для раздела Татарской Республики в павильоне СССР (Рис. 1). Согласно идейному замыслу, на выставке к экспонированию предлагались артефакты декоративного искусства, архитектуры и дизайна стран мира. Проект Отдела Татарской Республики

был разработан архитекторами Н.А. Ладовским и М.Я. Гинзбургом. Одним из организаторов павильона советского декоративного искусства стал командированный в Париж Татнаркомпросом заведующий художественным отделом ЦМ ТССР П.М. Дульский. Выставка работала с апреля по октябрь 1925 г. Предметы татарского декоративно-прикладного искусства после закрытия выставки переданы в собрание ЦМ ТССР (сегодня хранятся под коллекционным номером НМРТ КП–10301). Среди них – вышитые золотом головные уборы и полотенца, украшенные аппликацией покрывала, вышитые молитвенные коврики, образцы ткачества, кожаная обувь, украшения: браслеты, кольца, ожерелья.

Рис. 1. Павильон СССР на международной выставке в Париже 1925 г.
Подотдел Татреспублики. Из архива П.М. Дульского. НМРТ КППи – 120181/3330-21

В 1927 г. в Москве было открыто несколько выставок, приуроченных к десятилетию Октябрьской революции. Музей участвовал в создании выставки «Искусство народов СССР». Она представляла собой обзор национального искусства СССР и последние достижения в этой области. В Казани провели предварительную работу: была разработана схема участия Татреспублики на выставке, создан комитет, составлена смета. Вместе с Музеем к работе были привлечены Татарский Государственный академический театр, художественные мастерские и музыкальный техникум. Нарботки музейщиков республики были реализованы к показу в Кустарном отделе выставки. В основе выставочного

показа были щиты с большой фотографией кустика-ремесленника во время его работы, которые были дополнены предметами его производства. Всего представилось 7 щитов: ткани, кожаное обувное производство, изготовление тюбетеек, золотошвейное и ювелирное дело. Когда в Москве распаковали ящики с экспонатами и вспомогательными материалами, один из организаторов выставки Б.М. Соколов, директор Этнографического музея, увидев таблицы, заявил: «Вот это нам надо, тут показано все» (Дульский, 1928: 160).

Раздел Татарской республики на выставке получил много положительных отзывов в московской прессе и среди посетителей. Например, в журнале «Экономическая жизнь»:

Интересно и очень умело составлена экспозиция небольшого отдела Татарской республики. Изделия татар-кустарей представлены здесь не только в своем готовом виде, но и по отдельным стадиям производственного процесса, что позволяет познакомиться с любопытной техникой характерного производства художественной обуви и головных уборов. И здесь можно наблюдать все растущее значение кооперативного начала в кустарных промыслах: наряду с изделиями одиночек выставлены также образцы артельной продукции, отличающихся большими художественными и производственными достоинствами.

В культурно-политическом журнале ВКП(б) «Революция и Культура» отмечали: «Очень отрадное впечатление производит способ показа материала Татарской республики: наряду с изделиями (золотошвейные, ювелирные, изделия по коже) здесь показаны и сами процессы работы» (Дульский, 1928: 161).

В 1927 г. началась подготовка выставочного проекта республиканского значения, приуроченного к десятилетию ТССР. Организация была возложена на Н.И. Воробьева. Он разработал проект выставки, где обозначены основные разделы – хозяйство, экономика, кустарная и фабричная промышленность, социально-культурные достижения республики. В трех разделах выставки, согласно ее научной документации, планировался этнографический материал: «Экономика», «Кустарная промышленность» и «Этнография». В последнем должны были быть раскрыты особенности быта народностей ТССР, преимущественно татар с их историей и иллюстрацией изменений, произошедших за 10 лет. В техническое бюро выставкома наряду со списками экспонатов организаторы представили эскиз и план использования площади.

Выставочная комиссия изначально планировала разместить выставку на территории, занимаемой Зоосадам и частично в здании ЦМ ТССР. Ремонтные работы начались в крыле Музея. Они задумывались как часть проекта по его реорганизации. Расположение экспонатов в прежде неосвоенных Музеем площадях, по словам Н.И. Воробьева, позволило бы произвести реорганизацию согласно новым музейным требованиям (Воробьев, 1930: 2).

Комплектование предметов для выставки продолжалось до июня 1930 г. Как и для предыдущих проектов, во время подготовки юбилейной выставки были проведены этнографические экспедиции.

Этнографические экспедиции Музея во второй половине 1920-х годов

В 1920-е годы Николаем Иосифовичем Воробьевым были заложены основы научной и экспедиционной деятельности. Полевая работа была всеохватывающей, благодаря чему сегодня в собрании Национального музея РТ экспедиционный материал представлен не только вещественными источниками, но и уникальными фотографиями, задокументировавшими этнографию народов Поволжья. В ходе исследований под руководством Воробьева в 1923–1929 гг. в десятке кантонов Татарской республики были отсняты архитектурное зодчество и быт татар, русских, кряшен, чувашей, удмуртов и мордвы. Фотофиксация при этнографических исследованиях производилась Н.И. Воробьевым и П.М. Дульским, в нескольких экспедициях были задействованы казанские фотографы Х.А. Апанаев и Н.П. Засыпкин (Воробьев, 1930: 14).

Начало этнографическим экспедициям было положено в 1923 г., когда в Заказанье было совершено три выезда. Они были связаны с Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой в Москве. Это послужило стартом собирательской работы будущего отдела этнографии. В результате исследований в деревнях и селах Арского кантона (Татарские Алаты, Кайма-ры, Большая Атня, Шерданы, Малый Рясь, Большой Рясь, Вережи (Бережи), Большой Менгер, Уньба) были собраны ценные материалы этнографического характера, проведена большая работа по фотофиксации домов, дворов и жителей этих деревень. Часть этих материалов была успешно представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Немаловажную роль в изучении истории татарского народа и его истоков сыграло научное Общество Татароведения (ОТ), которое оказывало материальное содействие в деле разработки вопросов историко-краеведческого характера. Н.И. Воробьев, будучи членом ОТ, пытался заручиться поддержкой организации в продолжении исследования Арского кантона. В обращении от 12 января 1924 г. он писал:

Начав в прошлом году в связи с Всесоюзной С-Х. Выставкой работу по изучению материальной культуры татар, в настоящее время я продолжаю вести работу по собиранию литературы и предполагаю продолжать свои наблюдения и собирание коллекций по интересующему меня вопросу.

Осуществление задуманного мною плана останавливается полным отсутствием у меня средств. Ввиду этого я прошу Совет Общества отпустить мне 50 рублей золотом на поездку по деревням Арского кантона, чтоб углубить мои сведения о данном уголке Татареспублики, начало исследования которого было положено во время подготовки к Выставке, а также собрать ряд предметов, которые за недостатком времени не были собраны к Выставке. По возвращении мною будет предоставлен подробный отчет. Член О-ва Татароведения, препод. ун-та. Казань 12-I-1924 года (Воробьев Н.И. Письмо...: 1).

В итоге, Н.И. Воробьев продолжил этнографическое изучение Арского кантона в июле 1924 г. совместно со студентами университета Ф.И. Терегуловой и К.И. Воробьевым. Главным объектом экспедиции стала деревня Малые Вережи (Училе) к северо-западу от Арска. Из неё пешим ходом группой было осмотрено и изучено восемь близ лежащих деревень: Верхние Вережи (Вережь-баш), Новое Селище (Иске Юрт), Алич-Тархан (Чиканас), Новый Яваш (Барангуш-Яваш), Верхний Азяк, Нижний Азяк, Кукче-Вережи и Средние Вережи. Вещественные и фотографические источники, полученные во время этнографических исследований в поселениях Арского кантона в 1923–1924 гг., дополнили коллекции Центрального Музея (НМРТ. Документальный фонд. Папка 1б. Л. 111) и составляют бóльшую часть татарской коллекции Н.И. Воробьева.

Ссылаясь на старинные источники и собственные этнографические исследования, Н.И. Воробьев пришел к выводу о том, что территорию Заказанья со времен Казанского ханства населяла татарская аристократия. В своем очерке «Жилища и поселения казанских татар Арского кантона Т.С.С.Р.» он в первую очередь приравнивал некоторые села рассматриваемого кантона, такие как Большая Атня, Большой Менгер, Алаты, Сабы к крупным экономическим центрам (Воробьев, 1926а: 12–24). Изучая историю местного народа, Н.И. Воробьев уделял особое внимание архитектурному зодчеству, подчеркивая его неповторимость.

Заинтересованность Н.И. Воробьева татарским архитектурным зодчеством Заказанья нашла свое отражение на многочисленных фотографиях, сделанных в экспедициях по Арскому кантону. В числе прочих запечатлены роскошные дома зажиточных татар, например, на фотографиях с изображениями фасадов домов Абдулзяна Рашитова и Сафа Ахмед-Хана в селе Большая Атня, Фаттахмановой в деревне Нижние Верески, Мухтара Адамова в селе Большой Менгер четко проглядывается присущий только Заказанью архитектурный стиль. При изучении татарских поселений производилась и детальная фотофиксация жилищ (крыльцо, фронтоны, оконные наличники, карниз и т.д.), что позволяет и сегодня изучать их декоративное оформление.

Дома середняков и бедняков особо не выделялись декоративным оформлением. В ряде фотографий можно увидеть внутриусадебное пространство: двор, хозяйственные постройки для животных и птиц, амбар для хранения зерна.

Среди фотоснимков с видами внутреннего убранства татарского дома можно выделить изображение хлебопекарной печи в деревне Училе. Сфотографирована она со стороны большей части избы, которая украшалась карнизами и выпуклыми узорами. А со стороны меньшей половины дома производилась топка и готовилась пища. Такие типы печей с усложненной конструкцией чаще встречались в жилище середняка (Воробьев, 1953: 188).

Параллельно велась съемка сельских жителей. В фондах Музея сохранилась серия фотопортретов с изображением крестьян из деревни Малый Рясь. Отдельно запечатлены группы молодых мужчин, женщин и девочек, мальчиков, имеется общее фото односельчан.

Женский татарский костюм того периода запечатлен на фотографии с молодыми женщинами и девочками села Большая Атня за чаепитием (Рис. 2). Сельчанки в ситцевых платьях городского фасона разместились на полу, расстелив пестрядинную скатерть в крупную клетку с самоваром и набором фарфоровых чашек с блюдами. На заднем плане – нары с покрывалом и стопкой из перьевых подушек в цветных ситцевых и кружевных наволочках. Примечательны головные уборы женщин и девочек – калфаки-наколки с вышивкой жемчугом, и украшения – броши и низанные бусы (НМРТ КППи–117427/3).

Рис. 2. Чаепитие татарских женщин в с. Большая Атня. АТССР, Арский кантон. 1923–1924 гг. НМРТ КППи – 117427/3

Примечательно фото молодых девушек и женщин из деревни Училе в праздничных костюмах: в ситцевых платьях с завышенной талией и оборками по низу подола согласно моде начала XX в., с нагрудными украшениями *изю* и футляром для Корана, в головных трикотажных шалях. Одна молодая женщина одета в полный комплекс головного убора: бархатный калфак с вышивкой жемчугом либо бисером и шаль. Наряду с традиционными украшениями в это время бытовали крупные бусы, о чем можно судить по фотографии (НМРТ КППи–117426/26).

Участникам экспедиции удалось зафиксировать летний праздник Джиен – традицию сбора подарков перед Сабантуем. На сохранившейся фотографии запечатлены представители мужского населения деревни Училе. Во двор типичного крестьянского дома заехала повозка, запряженная двумя лошадьми с коло-

кольчиками на дуге. Один мужчина на телеге управляет уздой, другой играет на гармонии. Жители деревни одеты в традиционную татарскую мужскую одежду – ситцевую рубаху, удлиненный камзол и штаны, тюбетейки.

В экспедиции по татарским деревням исследователи обращали внимание на образцы культового деревянного зодчества – мечети. Восхищаясь их простотой и уютной обстановкой, П.М. Дульский писал, что «даже в бедных селениях интерьеры мечетей носят художественный облик, подкупая своей укоризненной чистотой» (Дульский, 1925: 11). Экспедиторы сфотографировали мечети в поселениях Большая Атня, Малый Рясь, Средние Алаты. Интерес у этнографов вызвала Средняя мечеть в селе Большой Менгер. Здание было рассмотрено изнутри, зафиксированы сохранившаяся старинная изразцовая печь (НМ РТ КППи–117430/3) и интерьер (НМ РТ КППи–117422): квадратная комната устлана «восточными коврами, в середине ее имеется простой, но довольно любопытный Михраб с порталом, в стиле екатерининского времени, – с правой стороны в углу находится Мимбер-кафедра для проповеди и торжественной молитвы» (Дульский, 1925: 12) (Рис. 3).

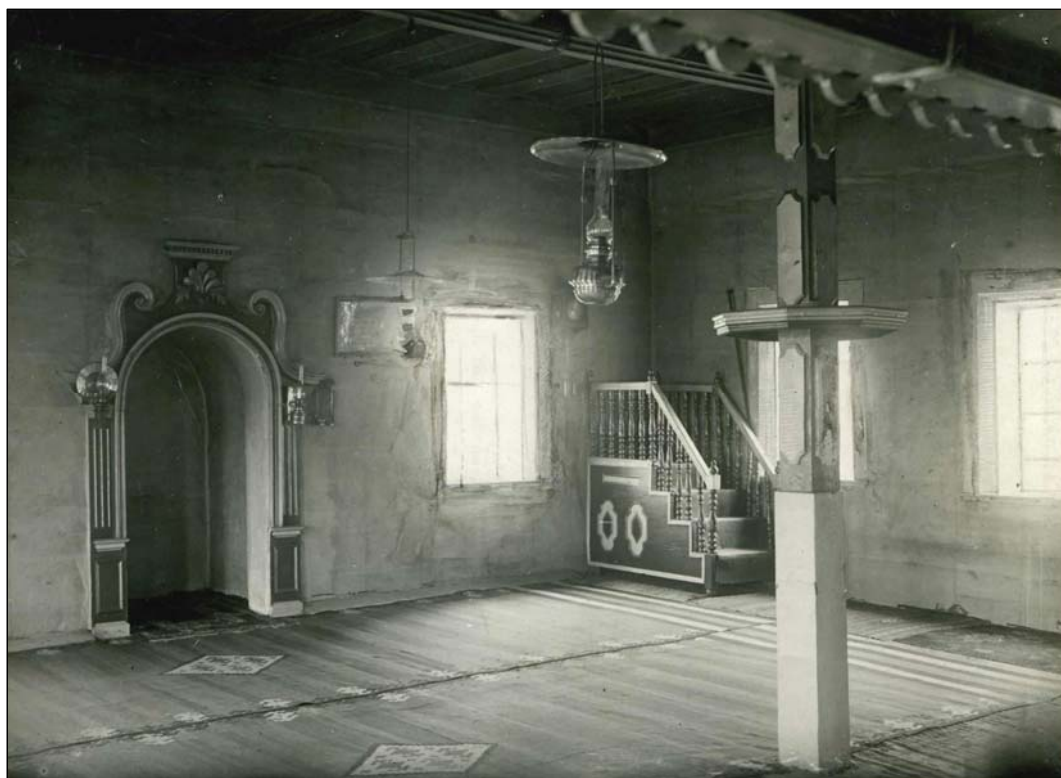

Рис. 3. Внутренний вид Средней мечети с. Большой Менгер.
АТССР, Арский кантон. 1923 г. НМРТ КППи – 117422

Таким образом, произведенные в ходе этнографических экспедиций по Арскому кантону ТССР фотографические источники и подробные наблюдения Н.И. Воробьева дают возможность всесторонне представить картину татарской деревни.

По указанию Общества Татароведения с 22 июля по 2 августа 1925 г. проводились историко-этнографические исследования в Мамадышском кантоне ТССР. В состав экспедиции под руководством Н.И. Воробьева вошли историк и этнограф М.С. Губайдуллин, этнограф К.С. Губайдуллина, историк С.Г. Вахидов, фотограф Центрального музея ТАССР Н.П. Засыпкин (Воробьев, 1927б: 194). В маршрут поездки входили поселения Олуяз, Утерняс (с экскурсией в д. Сунер), Мамалаево, Большие Тюлязи (с экскурсией в деревни Зюри, Казаклар (Уразлино), Баландыш, Елышево), Абди, Никифоровка (Чия-Баш), Белый Ключ, Нижняя Ошма, Средние Кирмени, Грахань, Соколки.

В кратком донесении Н.И. Воробьева об экспедиции упоминается, что при посещении более 20 поселений кантона были сфотографированы, зарисованы архитектура, быт, типы татар и кряшен (Воробьев, 1926б: 94). Среди них виды деревень Олуяз, Тюлязи, Баландыш, Никифоровка.

Выполненная в деревне Баландыш фотография под названием «Дробление отцовской усадьбы у бедняков» (НМРТ КППи–117428/3) была опубликована в очерке Н.И. Воробьева «Казанские татары». Иллюстрируя этот фотоснимок, ученый отметил, что в некоторых деревнях бывшего Мамадышского уезда сохранился обычай разделения отцовской усадьбы. Объяснялось это тем, что крестьяне при женитьбе сына вынуждены были делить свое имение с новой семьей. При таком разделении усадьбы, к примеру, на семьи нескольких сыновей, происходило дробление хозяйства на более мелкие (Воробьев, 1953: 141).

Кряшен Мамадышского кантона характеризует групповой фотопортрет женщин и детей села Никифоровка. На снимке женщины одеты в повседневную рабочую одежду: в ситцевые и пестрядные платья, фартуки из пестряди в клетку, на головах повязаны платки, на ногах – лапти. Среди исследованных кряшенских поселений Н.И. Воробьев выделял село Никифоровка как «центр влияния миссионеров на кряшен», где «обрусение сколько-нибудь заметно» (Воробьев, 1927а: 158).

Так же 1926 г. командой, состоящей из Н.И. Воробьева, Л.М. Поздеевой и фотографа Н.П. Засыпкина, был взят курс на Челнинский, Спасский и Чистопольский кантоны. При исследовании поселений последнего кантона к экспедиции присоединился заведующий Чистопольским музеем А.К. Булич (Воробьев, 1927а: 194).

Исследовательские работы велись в поселениях казанских татар, кряшен, мишарей. Членами экспедиции было выполнено 70 фотографий и несколько десятков рисунков (Воробьев, 1927а: 195). Итогом данной работы стал очерк Воробьева «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР».

В Челнинском кантоне экспедиция посетила поселения Нижнее Бишево, Верхний, Средний и Новый Багряж, Поповка, Тонгузино. Выделяя деревню Верхний Багряж, ученый отмечает, что она «считается коренной кряшенской и является родоначальником всех остальных деревень» (Воробьев, 1927а: 159). В этой деревне этнографы сняли и изучили внутреннюю обстановку черной поло-

вины кряшенского дома (НМ РТ КППи–117427/4) (Рис. 4), которую подробно в деталях описал Н.И. Воробьев:

Вдоль стены, противоположной входной двери расположены нары того же устройства, что и у татар, но они не доходят до «переднего угла» около 1,5 метра и здесь ставится стол для еды, причем для сиденья с одной стороны используются нары, а с двух других сторон вдоль стен устраиваются лавки... В переднем углу устраивается божница... В сторону от двери в углу всегда устраиваются еще небольшие нары, совершенно такого же типа как русский «конник»... По линии печи, в сторону передней стены, часто устраивается балка или доска, не достигающие до потолка, куда кладут вещи (Воробьев, 1927а: 162).

Рис. 4. Интерьер крестьянской избы в д. Багряж.
АТССР, Челнинский кантон. 1926 г. НМРТ КППи – 117427/4

Заинтересовала исследователей деревня Нижнее Бишево, где проживали и татары, и кряшены. Здесь этнографами была сфотографирована группа кряшен – женщин и детей в повседневной одежде (Рис. 5, 1). Женщины одеты в ситцевые платья, фартуки и платки, обуты в лапти. Примечательно, что у трех женщин в центре платки повязаны высоко, поверх волосника головной убор *меленчек* с твердым прямоугольным налобником (НМ РТ КППи–116114). На другом снимке изображена кряшенка в праздничной одежде (Рис. 5, 2). На ней платье из пестряди, на голове фабричный жаккардовый платок, дополняют костюм шейное украшение – *тамакса*, и нагрудное – *девет* (НМ РТ КППи–116112).

1

2

Рис. 5. 1) Крестьянки-кряшенки с. Нижнее Бишево. АТССР, Челнинский кантон. 1926 г. НМРТ КППи – 116114;
2) Кряшенка в праздничной одежде. АТССР, Челнинский кантон, с. Нижнее Бишево. 1926 г. НМРТ КППи – 116112

В поселениях Спасского кантона во время экспедиции 1926 г. были сфотографированы улицы, дома, двор татарской усадьбы. Интерес представляет снимок дома зажиточного крестьянина в деревне Новые Челны, который описал Н.И. Воробьев. Ученый обратил внимание на отличительную от других районов ТССР черту при постройке дома в Закамье (НМРТ КППи–117428/6): в от-

личие от других районов ТССР при стройке дома часто использовались кирпичи (Воробьев, 1930: 199).

В этой же деревне был запечатлен двор зажиточного татарина. На снимке изображены постройки из бревен для животных, в открытом дворе которого стоят трое мужчин с лошастью. Конюшни татарского крестьянина были отделены от других животных (НМРТ КППи–117428/8). Традиционно под общей крышей из соломы устраивались помещения для крупнорогатого скота, сарай для хранения хозяйственных принадлежностей, *лапас* – помещение для ремесленных работ, у более зажиточных крестьян добавлялся амбар для хранения зерна.

По Чистопольскому кантону можно обратить внимание на две фотографии. На первом снимке изображен уголок чистой избы в деревне Ак Булат. Основной деталью данного интерьера можно считать сундуки, которые служили в качестве мебели для хранения праздничной одежды, украшений. Чаще всего оформленные разноцветными металлическими элементами декора сундуки ничем не покрывались и являлись гордостью хозяина дома. Пол в комнате застлан тканым в закладной технике ковром. Перегородка вдоль стены развешана одеждой. На левой стороне комнаты – стопка постельных принадлежностей, покрытая вышитой тамбуром накидкой.

Вторая фотография рассказывает о традиционном женском татарском костюме. На пожилой женщине надето ситцевое платье с длинным рукавом, камзол из адраса с меховой оторочкой, на голове – платок и меховая шапка *камчат бурек* (НМРТ КППи–116106).

В июле 1927 г. была предпринята еще одна этнографическая экспедиция с участием Н.И. Воробьева и Л.М. Поздеевой в Свияжский и Тетюшский кантоны. Основной базой выбрано село крещеных татар Молькеево-Курбаш.

Значительный интерес для ученых представляло население села Мордовские Каратаи. В своем отчете о поездке Н.И. Воробьев отметил, что жители данного села «говорят по-татарски, правда, с целым рядом диалектических особенностей, внешний вид имеют русский, но помнят еще твердо недавно ушедший чисто мордовский быт, а в области верований, несмотря на официальное христианство, хранят старинные мордовские взгляды» (Воробьев, 1928: 111).

Информация по отдельным деревням достаточно скудна. Недостаток средств не позволил произвести комплектование. Всего было выделено 100 рублей. Однако были накоплены информационные материалы, которые, по словам Н.И. Воробьева, дали «интересный результат по выяснению взаимоотношений различных народностей края» – мордва-каратаев, чувашей, кряшен, татар» (Воробьев, 1928: 111).

В 1929 г. по заранее намеченному плану Общества изучения Татарстана (ОИТ) была организована комплексная экспедиция для изучения экономики и населения Мензелинского и Челнинского кантонов ТАССР. Видные ученые и специалисты проводили исследования по разным направлениям, поэтому экспедиция была разделена на 10 отрядов. Задачи по изучению археологии, истории и

этнографии были возложены на культурно-бытовой отряд, руководителем которого был назначен Н.И. Воробьев (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39.Л. 1). Кроме него, в экспедицию вошли историки С.Г. Вахитов, З. Тагиров и Р. Тагиров, практиканты – лингвист П. Юсупов, этнограф Э. Надеева, фотограф Х.А. Апанаев (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42. Л. 12). При планировании полевых исследований Н.И. Воробьев включил в программу отряда пункт об изучении этнографии русских и мордвы на намеченной территории (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39.Л. 4). С руководителем фотосекции ОИТ Якубовым был согласован запрос о включении в состав экспедиции фотографа (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39. Л. 4).

На заседании Центрального совета ОИТ от 3 июня 1929 г. Н.И. Воробьев выступил с докладом «О музейном строительстве в Татарской Республике». В дополнение к его сообщению П.М. Дульский добавил, что материалы предстоящих экспедиций 1929 г. приобщатся к намеченной к десятилетию Татарской Республики выставке и, впоследствии, будут переданы в Музей (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27.Л. 49).

Н.И. Воробьев разработал план маршрутов культурно-бытового отряда. Он обозначил на карте Мензелинского кантона линии продвижения этнографической, историко-революционной и историко-лингвистической групп. Отправным и исходным пунктами экспедиции был город Мензелинск (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42. Л. 210).

В итоге, подготовленная в короткий срок комплексная экспедиция была плохо оснащена кадрами и недостаточно финансирована. По этой причине исследователи в лице членов совета ОИТ выражали недовольство, понимая, что столкнутся с трудностями (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27.Л. 25). Возможно, поэтому работа культурно-бытового отряда несла преимущественно рекогносцировочный характер (ГА РТ. Ф. 447. Д. 42. Л. 21).

На расширенном заседании экспедиционного комитета Татарского национально-исследовательского экономического института (далее ТНИЭИ) от 26 мая 1930 г. Н.И. Воробьев предложил подать заявку об отпуске денег на обработку материалов, собранных культурно-бытовым отрядом в экспедициях 1929 г. Документов, подтверждающих выдачу средств по запросу ученого, обнаружить не удалось.

К сожалению, отчетные данные по исследованиям культурно-бытового отряда в составе комплексной экспедиции 1929 г. мало информативны при идентификации фотоисточников из рассматриваемой коллекции. Атрибуция данных фотоматериалов является работой предстоящих исследований.

Проходившие под руководством Н.И. Воробьева этнографические экспедиции в период с 1923 по 1929 гг. дали большой материал вещественных и фотографических источников, которые пополнили собрание ЦМ ТССР. Фотографии этнографического характера из коллекции Н.И. Воробьева в собрании Национального музея Республики Татарстан являются ценным визуальным источником и имеют важное значение при изучении материального быта народов Поволжья.

Трансформация Музея в 1929–1930 гг.

На протяжении второй половины 1920-х годов в Музее разрабатывались проекты полной реорганизации. Частично они воплотились в создании экономического отдела в 1928 г. Однако на этом работа не была завершена – Музей необходимо было привести к соответствию запросам государства. В связи с этим, в мае 1929 г. под руководством Н.И. Воробьева была принята первичная схема реструктуризации выставочной деятельности Музея. Согласно ей предполагалось формирование трех новых разделов: естественно-географического, социально-экономического и историко-культурного. Каждый из них должен был соответствовать последним достижениям в изучении края, современному для того периода развитию республики и ее месту в СССР. Художественный раздел задумывался вне комплексов, так как «Центральный Музей является центром художественных собраний общеповолжского значения и далеко неместного содержания» (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 47–47об.). Данный план не был принят к реализации, но существенные изменения все равно последовали: согласно распоряжению Главнауки, в октябре 1929 г. в спешном порядке был сформирован антирелигиозный отдел. Нехватка площадей привела к его размещению на месте экономического отдела, который был стремительно свернут и перемещен на хранение в тесные хранительские отделы в течение пары дней 22 и 23 октября (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 40).

Формирование антирелигиозного отдела стало одним из первых проявлений усиливающего давления на музеи со стороны государства. Тогда же, согласно постановлению Совнаркома СССР от 24 сентября 1929 г., музеи были переведены на непрерывную рабочую (производственную) неделю, что было необходимо для приведения их к образцам социалистического строительства. В ЦМ ТССР она была введена с 15 октября (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 3). Параллельно с этим, от Академцентра Татнаркомпроса Музей получил предписание активизироваться в вопросе социалистического соревнования. На это Ученый совет Музея постановил в череде организующихся мероприятий просить образующийся Общественно-политический совет Музея о создании специальной комиссии для руководства работы с посетителями (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 43об.).

Общественно-политический совет Музея был создан, согласно постановлению Главнауки, в декабре 1929 г. Его задачами стало:

- 1) усиление связи Музея с государством;
- 2) общественный контроль за музейной деятельностью;
- 3) вовлечение Музея в реконструкцию народного хозяйства;
- 4) проведение по заданию правительства социально-политических кампаний (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 119. Л. 1).

Приглашения к участию в его работе были разосланы 53 организациям Казани (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 119. Л. 2). В дальнейшем данный орган при Музее, из совещательного и рекомендующего Воробьеву в связи с нехваткой

денег писать письма в организации, трансформируется в опорный пункт по централизации всей музейной деятельности в Татарской Республике.

Своего пика усиление государственного надзора над Музеем достигло в начале осени 1930 г., когда его деятельность была проанализирована ТНИЭИ. Абсолютно бесспорно, что уже к середине 1930-х гг. подобный вердикт, вынесенный по итогам данной проверки, обернулся бы для директора крайне печальными последствиями: «Музей передан Институту в состоянии чрезвычайно далеком от тех требований, которые поставлены перед музеями Наркомпросом РСФСР и АТССР. Музей совершенно не увязан с пятилеткой социалистического строительства, в его составе фактически не существует отдела экономики» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 211).

По итогам проверки была создана комиссия «в целях перевода Центрального Музея АТССР на новые рельсы от самодовлеющего собирания раритетов к действительному служению текущим задачам государства хозяйственной и культурной жизни страны строящегося социализма» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 211). В ее состав вошли заведующий отделами Музея под председательством нового руководителя девятью месяцами ранее разобранного экономического отдела М.И. Борисова.

К этому моменту Николай Иосифович Воробьев фактически покинул Музей – последнее распоряжение, подписанное им в качестве директора, датируется 31 июля 1930 г. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 104. Л. 31). В сентябре произошла передача отделов Музея «вновь назначенному директору», которым стал уже упомянутый М.И. Борисов. Николай Иосифович перешел на работу в Казанский педагогический институт. Однако он на протяжении всей жизни сохранял тесную связь с Музеем. В послевоенный период он входил в состав Ученого совета Музея, принимая активное участие в его работе.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27
- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39
- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 45
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 70
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 100
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 104

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 134

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 93

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89

НМРТ. Архив сведений о этнографических коллекциях с 1924 г.

НМРТ. Воробьев Н.И. Авансовый отчет члена культурно-бытовой секции Татвысткома Н.И. Воробьева на получение от Татвысткома 122 рублей (машинопись)

НМРТ. Воробьев Н.И. Акт о передаче в Казанский Центральный музей коллекций и мебели Культурно-бытовой секции Татарского выставочного комитета.

НМРТ. Воробьев Н.И. Идеиный замысел Юбилейной выставки к 10-летию ТССР (машинопись).

НМРТ. Воробьев Н.И. Автобиография // Коллекция Николая Иосифовича Воробьева в документальном фонде Национального музея Республики Татарстан.

НМРТ. Документальный фонд. Папка 16. Л. 111.

ЛИТЕРАТУРА

Адлер Б.Ф. «Национальный» музей // Казанский музейный вестник. Казань: Первая Государственная типография, 1921. Вып. 1–2. С. 3–12.

Воробьев Н.И. Быт и культура татар на Всесоюзной сельскохозяйственной кустарно – промышленной выставке 1923 г. // Труд и хозяйство. Казань: Типография Татпечати «Красный печатник», 1923. Вып. 4. С. 3–7.

Воробьев Н.И. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры. 1926а. №4. С. 10–49.

Воробьев Н.И. Историко-этнографическая экспедиция в Мамадышский кантон ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры: 1926б. №4. С. 93–94.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань: Татгосиздат, 1953.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань: Татполиграф, 1930.

Воробьев Н.И. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры. 1927а. №7. С. 157–172

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 года // Вестник Научного общества Татароведения. 1928. №8. С. 100–111.

Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Татарской АССР с 1920 по 1927 гг. // Этнография. 1927б. Т.3. №1. С. 194–196.

Дульский П.М. Выставка искусства народов СССР в Москве// Вестник научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры, 1928. №8. С. 153–162.

Дульский П.М. Искусство казанских татар. М.: Центр. Изд-во народов СССР, 1925.

Ко всем работникам земли // Вестник Главного выставочного Комитета Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. Вып. 3. М., 1923.

Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань: «Kazan-Казань», 2002.

REFERENCES

- Adler B.F. (1921) "National" museum. *Kazanskiy muzeynyy vestnik* [Kazan museum bulletin]. Vol. 1–2: 3–12. (In Russ.)
- Dulskiy P.M. (1925) *The art of the Kazan Tatars*. Moscow: Central Publishing House of the USSR Peoples. (In Russ.)
- Dulskiy P.M. (1928) The arts of the USSR peoples exhibition in Moscow. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 8: 153–162. (In Russ.)
- Sinitsyna K.R. (2002) *Half a century of Kazan and Tatarstan museums. Chronicles of 1917–1967*. Kazan: Kazan Publ. (In Russ.)
- To all land workers (1923) *Vestnik Glavnogo vystavochnogo Komiteta Vserossiyskoy sel'sk Khozyaystvennoy i kustarno-promyshlennoy vystavki s inostrannym otделом* [The main Exhibition Committee bulletin of the All-Russian Agricultural and Handicraft-Industrial Exhibition with the Foreign Department]. Vol. 3. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1927) Ethnographic research in the Tatar ASSR between 1920 and 1927. *Etnografiya* [Ethnography]. Vol. 3. No 1: 194–196. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1923) The everyday life and culture of Tatars at the All-Union Agricultural Handicraft and Industrial Exhibition in 1923. *Trud i khozyaystvo* [Work and economy]. Vol. 4: 3–7. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1926) Historical and ethnographic expedition to the Mamadysh canton. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 4: 93–94. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1926) Kazan Tatars' dwellings and settlements in the Arsk canton of the TSSR. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 4: 10–49. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1927) Some information on life of baptised Tatars (Kryashens) of the the TSSR Chelny canton. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 7: 157–172. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1928) Report on an ethnographic expedition to the Sviyazhsk and Tetyushsk cantons of the TSSR in the summer of 1927. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 8: 100–111. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars*. Kazan: Tatpoligraf Publ. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ледяева Марина Владимировна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-0095-5316>; e-mail: mled8@mail.ru

Мирсияпова Залия Нургалиевна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0003-4856-4964>; e-mail: ms.zaliya81@mail.ru

Мухин Владислав Игоревич, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-5967-198X>; e-mail: wladmukhin@yandex.ru

About the authors:

Marina V. Ledyayeva, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-0095-5316>; e-mail: mled8@mail.ru

Zaliya N. Mirsiyapova, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0003-4856-4964>; e-mail: ms.zaliya81@mail.ru

Vladislav I. Mukhin, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan, 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-5967-198X>; e-mail: wladmukhin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 18.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 1.08.2024

Принята к публикации / Accepted 9.09.2024